

Р. Нугельман

ПРЕДИСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ»

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей западных и еврейских авторов посвящен анализу корней и последствий Катастрофы европейского еврейства.

По мере того как реальные очертания этого события отступают в прошлое, его загадочность только возрастает. Поэтому не удивительно, что каждый из авторов сборника предлагает свое толкование этой загадки. Можно не сомневаться, что она будет и впредь томить воображение историков, как томят его другие великие и неразрешимые загадки прошлого.

Каждый из авторов выделяет свой специфический аспект этого уникального события. Профессор Шломо Шохам утверждает существование внутри европейской культуры двух метаисторических и взаимоисключающих начал, символизируемых образами языческой Валгаллы и христианской Голгофы, противостояние которых приводит к Освенциму. Польский фантаст и мыслитель Станислав Лем углубляет эту трактовку, выдвигая тезис о стремлении нацистов «отменить» избранность еврейства и «уничтожить» иудео-христианского Бога – иными словами, иудео-христианскую цивилизацию в целом; Катастрофа оказывается в этой трактовке частью более широкого замысла «возврата к язычеству», а в общекультурном плане – к максимальному расширению и тривиализации убийства и смерти, как части западной культуры. Американский публицист Фред Кац пытается найти корни Катастрофы в широком явлении «обюрокращения» современной цивилизации, создающем потенциальную

возможность того, что Хана Арендт, переключаясь с Лемом, назвала «тривиализацией преступления» в нашем мире. Израильский публицист Александр Воронель говорит о проблеме преступления и воздаяния в ее моральном – христианском и еврейском – аспекте. Наконец, профессор иудаики Стивен Кац анализирует попытки еврейской религиозной мысли ответить на теологические вопросы, поставленные реальностью Катастрофы.

Особняком стоит в сборнике философское эссе известного американского писателя и литературоведа Джорджа Штайнера, представленное читателю в виде увлекательной детективной повести о поисках, обнаружении и транспортировке на суд «г-на Адольфа Г.» (Адольфа Гитлера) агентами израильской разведки. В повести Штайнера можно найти отголоски всех упомянутых выше аспектов Катастрофы – от общеевропейского (отрицание нацизмом иудео-христианской цивилизации в целом) до еврейского (роль Катастрофы в возрождении государства Израиль).

Глубина и напряженность интеллектуального поиска, демонстрируемого всеми без исключения произведениями сборника, несомненно, делает его необычайно интересным и поучительным для всех интересующихся проблемами современной истории.

Значение Катастрофы действительно общеисторично. Оно выходит за рамки чисто еврейского или чисто немецкого вопроса. Три особенности этого события выделяют его из всех «межнациональных» трагедий. Катастрофа была событием уникальным, поскольку представляла собой первую в истории попытку уничтожения целого народа на чисто расовой (а не религиозной, как в средние века, или политической, как в новое время, начиная с армянской резни) основе. Этот преследуемый на расовой основе народ оказался

единственным «внегосударственным» народом в «огосударственной» Европе XX века, что обусловило его безоружность и незащищенность. Наконец, этот народ, уже осужденный и истребляемый на глазах всего мира, не получил, практически, никакой помощи от других народов Европы (союзники, в сущности, спасали его лишь «походя», преследуя, главным образом, другие, более существенные для них политические и национальные цели).

Корни этих особенностей Катастрофы тесно связаны с характером того мира, в котором она произошла. Это не был восточный или арабский, привычный к жестокости мир. Это был мир западной, европейской культуры, в том числе культуры политической. Европа XX века была континентом победившего национализма, либерализма и демократии. Катастрофа оказалась свидетельством грехопадения политической культуры, основанной на этих ведущих западных идеях. Национализм, породивший европейские государства, оставил евреев, фактически, единственным безгосударственным, а потому безоружным народом. Либерализм, «открестившись» от религиозных основ в пользу секулярной морали, оставил евреев жертвами расовой теории. Демократия, вульгарно понимаемая как власть большинства (а не защита меньшинств) в национальных государствах, покорно последовала за интересами этого большинства, обрекая евреев на одиночество, ставшее в этих условиях логически неизбежным.

Катастрофа засвидетельствовала также грехопадение западной духовной культуры, предопределенное сомнительностью ее религиозных – прежде всего, христианских – основ. Разделив «земное» и «небесное», Богово и кесарево, и в то же время пытаясь представлять от имени и того, и другого, историческое христианство породило ту моральную

двусмысленность, расплатой за которую стала, в частности, Катастрофа европейского еврейства в годы нацизма. Ибо нацизм был жестоким «воздаянием» Церкви как за ее первоначальные претензии на политическую гегемонию, так и за ее последующие попытки участия в политике на общих (внеморальных) основаниях. Но более всего нацизм был «воздаянием» за до сих пор непроясненное отношение христианства к еврейству – отношение, моральная двусмысленность которого на протяжении веков создавала почву для неистребимого христианского антисемитизма.

Во всех своих аспектах нацизм был, таким образом, продолжением противоречий, таившихся в самих основах европейской политической реальности и христианской религиозной морали. Он был их продолжением, отрицанием и попыткой преодоления, то есть попыткой создания иной политики и иной морали. Как ни парадоксально, именно нацизм с его циничной откровенностью претендовал на извращенное, но последовательное возрождение того единства морали и политики, которое некогда существовало (в том же извращенном виде) в языческом мире и было утрачено в христианской Европе.

Поэтому Катастрофа была не чем иным, как судом над этой разобщенностью морали и политики в западном мире – как на его государственно-религиозном, так и на индивидуальном уровне. Она была прямым следствием того, что можно назвать сохраняющимся в этом мире господством идеи самосохранения единичного над идеей сохранения общего. Иными словами, господства «аморальной» (политической) рассудочности над «алогичной» (общечеловеческой) моралью.

Некогда иудаизм разошелся с христианством именно в этой узловой точке. На место «алогичной» еврейской идеи коллективного восхождения к будущему

христианство поставило «логическую» идею индивидуального спасения, со временем овладевшую европейским (также и политическим) сознанием и обусловившую все его последующее развитие. Метафорически говоря, семена Катастрофы были посеяны уже тогда. Поэтому Катастрофа явилась не чем иным, как трагическим итогом двухтысячелетнего этапа истории – как еврейского, так и западного духовного и общественного развития. Поэтому она должна была бы стать поворотным пунктом в этой истории. Именно в этом, – а не в количестве жертв, в их поражающей безвинности или в планомерной жестокости их уничтожения (чему всегда можно подыскать те или иные аналоги), – состоит подлинная общеисторическая уникальность этого события, равно как и всечеловечность его урока, осмыслению которых посвящен настоящий сборник.

Фред Кац

КАТАСТРОФА КАК БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ РУТИНА

В одном социологическом журнале было отмечено недавно, что «социологии Катастрофы еще не существует». Если не считать нескольких специальных исследований, социологи в целом куда охотнее занимаются антисемитизмом и ему подобным проблемами, чем Катастрофой как таковой. Возможна квазисоциологическая работа Ханны Арендт о банальности эйхмановского зла отвратила многих от этой темы – особенно после ее утверждений, что жертвы сами в значительной части были повинны в своей судьбе. Возможно также, что травма Катастрофы задевшая всех евреев, в том числе евреев-социологов, вытеснило стремление к логическому анализу. Известный еврейский социолог недавно сказал мне: «В отношении Катастрофы самое разумное – это молчание».

Но это не так. Социологические исследования могли бы существенно дополнить исторические объяснения того, почему произошла Катастрофа. Они помогли бы понять, в чем состояла ее уникальность и что в ней допускает обобщение. Они могли бы показать, какие силы ведут к массовому экстремизму и какие силы этому экстремизму противостоят.

В этой статье я хотел бы обсудить такой аспект Катастрофы как превращение чудовищного поведения в рутину. Ведь сам такой огромный размах, с которым осуществлялась Катастрофа, значительной мере означает, что пытки и убийства стали для нацистов рутинной. Процесс массового истребления евреев превратился в один из элементов «ординарной», каждодневной рутинной деятельности германской государственной машины. Он стал элементом «обычной» карьеры чиновников и офицеров. И в большой своей части он зависел также от специально подготовленных сотрудников лагерной администрации, специалистов по массовому уничтожению. «Специалистом» такого рода был, например, комендант лагеря Освенцим Рудольф Гесс.

Случай Гесса весьма труден. На суде Гесс утверждал, что он чувствительный человек и что зверства в Освенциме вызывали у него отвращение. Мы склонны не доверять таким утверждениям. Принять их означало бы поверить в благие намерения дьявола.

ормальный рассудок не может совместить эти утверждения эсса с его действиями. Но есть одна причина, побуждающая спросить: „А что, если мы поверим Гессу?“ Причина та состоит в том, что таким образом мы можем понять нечто ущественное.

Существенно понять, как геноцид мог превратиться в рутину. С точки зрения социологии рутина означает, что некие сложные социальные процессы, вроде воспитания молодежи или ведения войны, организованы так, что могут проводиться упорядоченно, даже если включают чьи-то индивидуальные страдания и асильственное прекращение чьей-то жизни.

Государственная бюрократия всегда имеет тенденцию к такой рутинизации. Бюрократия как раз и представляет собой социальную машину, осуществляющую сложные процессы относительно порядочным образом. И, как правило, она действует в моральных шорах. Типичный чиновник сосредотачивается на своей специфической задаче, не оценивая ее возможные последствия, в том числе моральные. Его заботят, главным образом, средства, а не цели. Возможная аморальность этих средств, как правило, выходит за рамки его каждодневных размышлений. В результате, когда он организует транспортировку евреев в лагеря уничтожения, проблема моральности или аморальности попросту находится вне круга его внимания. В этом круге преобладают чисто технические вопросы – например, наличие или отсутствие поездов для транспортировки истребляемых.

Важной специфической чертой процесса рутинизации является участие в нем относительно «обыкновенных» людей, которые работают увлеченно и творчески. Особенно интересны в этом смысле люди, стоявшие на промежуточных ступенях нацистской иерархии. Как они оказались вовлеченными в геноцид? Обычное объяснение исходит из того, что бюрократ – это крайний пример двух распространенных синдромов: традиционного подчинения начальству и современной тенденции к специализации. Оба эти объяснения были использованы нацистскими чиновниками в их попытках избежать ответственности за свои действия. Оба положили начало мучительным и извращенным научным спекуляциям на тему о том, что «все мы – немного нацисты».

В действительности, однако, нацистское движение, подобно многим другим экстремистским движениям, не имело заранее и открыто сформулированной программы. Например, план истребления евреев складывался постепенно, шаг за шагом, уже после прихода нацистов к власти в 1933 году. До этого он никогда не уточнялся в

деталях. До начала систематического уничтожения в 1942 год антиеврейские преследования включали лишь многочисленны случаи нападения на отдельных евреев и оркестрованную сверх кампанию очернения еврейства. Главным же орудием преследований была череда все более ужесточавшихся антиеврейских законов. С их помощью евреи лишались все большего числа гражданских прав. В техническом смысле большая часть преследований была, следовательно «легальной», то есть осуществлялась через наличную юридическую машину государства. Для них не создавалась никакая особая система – ни специальные суды, ни особая адвокатура. Иными словами, эти преследования осуществлялись с минимальным ощущением новизны происходящего. Ведь в конечном счете их осуществляла наличная государственная машина, и потому они выглядели как выражение воли государства, реализуемой с помощью установленных проверенных государственных механизмов. Для каждого отдельного чиновника, более привыкшего к проведению в жизнь, а не инициированию политических решений, в этих действиях нацистского государства могло и не быть ничего принципиально нового. Это было особенно верно в тех случаях, когда такой чиновник втягивался в нацистскую политику постепенно, путем последовательных небольших шагов.

Но постепенный («инкрементальный») характер наращивания репрессий скрывал не только их новизну. Он скрывал также и размах. В 1930-х годах мало кто, включая самих евреев, мог представить, что речь идет о реальной перспективе истребления всего европейского еврейства. Для многих евреев отдельные законы вроде требований об обязательном наличии особого удостоверения личности или смене имени и фамилии на чисто еврейские, были именно отдельными, изолированными требованиями. Постепенность камуфлировала истинную направленность процесса. Когда в конце концов был отдан секретный приказ о физическом уничтожении всех евреев на оккупированной нацистами территории, он сам по себе был тоже лишь очередным небольшим добавлением к тому что уже было, в общем-то, известно и принято. Он не находился в кричащем противоречии с тем, что делалось ранее. Короче говоря постепенность процесса – вот что делало его приемлемым для немцев, поскольку скрывало экстраординарность и экстремизм.

Был в этом процессе и другой аспект, связанный со служебной карьерой отдельных чиновников. Многие – возможно, большинство – из них начинали отнюдь не как профессиональные убийцы. Как же в таком случае они приходили к столь ревностному участию

ПРОВОКАЦИЯ

В последние годы знаменитый польский фантаст Станислав Лем все чаще обращается к своеобразному жанру рецензий на несуществующие книги, что, видимо, позволяет ему полнее выразить некоторые свои мысли и прогнозы. К тому же жанру принадлежит его последнее произведение, недавно опубликованное в Польше. «Провокация» – это обширная рецензия на вымышленную книгу немецкого философа Асперникуса «Геноцид», посвященную Катастрофе европейского еврейства и месту Смерти в современной культуре вообще.

Как заметил кто-то, хорошо, что эту историю истребления народов написал немец, ибо всякий иной автор навлек бы на себя обвинение в германофобии. Не думаю, что так обстоят дела. Для нашего антрополога немецкое происхождение «окончательного решения еврейского вопроса» – второстепенная деталь процесса, который не сводится ни к «немецкости» убийц, ни к «еврейскости» жертв. Неприятные вещи о современном человеке говорили уже не раз. Наш автор решил однако разделаться с ним раз и навсегда, пригвоздив его так, чтоб уж не поднялся. Асперникус, фамилия которого ассоциируется с Коперником, задумал (подобно своему великому предшественнику в астрономии) произвести переворот в антропологии зла. Читателю самому судить, удалось ли ему это.

Первый том, как и подобает столь обширному замыслу, открывается анализом отношений в животном мире. Автор начинает с хищников, которые убивают инстинктивно, чтобы выжить. Он подчеркивает, что хищник, особенно крупный, никогда не убивает больше, чем требуется ему и его свите (ибо, как известно, каждый вид хищников имеет такую свиту из животных послабее, которые подъедают за ним остатки). Травоядные животные становятся агрессивными только в период течки, редко, однако, бывает, что борьба самцов за самку кончается смертью соперника. Бескорыстное убийство – явление, среди животных весьма нечастое. Уж чаще его можно обнаружить среди одомашненных животных.

Иначе у человека. Как отмечают хроники, войны с давних времен перерастали в массовое избиение побежденных. Причины тому были, как правило, практические: ликвидируя также потомство побежденных, победитель гарантировал себя от будущей мести. Такая резня была в древних культурах явлением открытым, даже

демонстративным, коль скоро корзины с отрезанными конечностями и гениталиями фигурировали в триумфальных процессиях, как символы военного успеха. Опять же – никто в древности не ставил это право победителей под сомнение. Они убивали побежденных или уводили их в рабство, руководствуясь соображениями своей личной выгоды.

Асперникус на обширном материале показывает, как правила войны постепенно обставлялись ограничениями, зафиксированными в рыцарских кодексах, хотя ограничения этими и пренебрегали в гражданских войнах, поскольку недобитый внутренний враг был куда опаснее врага внешнего (чем объясняется, почему католики преследовали катаров суровей, чем сарацинов).

Постепенный рост ограничений привел к соглашениям типа Гаагской конвенции. Сущность их в том, что военный успех и избиевание побежденных предполагалось навеки разделить. Первый ни в коем случае не должен был влечь за собой второго. В этом разделении усматривали прогресс военной этики. Избиения народов случались и в современности, но им была чужда как архаичная демонстративность, так и подчеркнутая корысть исполнителей. Тут Асперникус переходит к анализу рациональных причин, которыми в разные времена пытались оправдать такие избиения.

В христианском мире эти оправдания стали явлением обычным. Впрочем, нужно заметить, что ни вывоз африканских рабов, ни более раннее освобождение Святой земли, ни разгром южноамериканских индейских государств не начинались с намерения истребить целые народы, ибо речь всегда шла о дешевой рабочей силе, о крещении иноверцев, о завоевании заморских земель, а истребление аборигенов было лишь устранением препятствий на пути к цели. Но в хронологии геноцида можно увидеть постепенное **уменьшение корыстного элемента** как одного из мотивов в общей сумме оправданий, иными словами, рост духовных выгод над выгодами материальными. Пробраз гитлеровского геноцида Асперникус усматривает в армянской резне, устроенной турками во время первой мировой войны, поскольку в ней уже наличествовали все развитые признаки современного массового истребления: она не принесла туркам никаких ощутимых выгод и в то же время ее мотивы были фальсифицированы, а сама она утаена от окружающего мира. Ибо наш автор считает, что не само по себе массовое истребление людей составляет знамение XX века, но массовое убийство с полностью фальсифицированным объяснением, ход и результаты которого укрыты от мира как можно

дежнее. Материальные выгоды – скажем, от ограбления жертв – или, в общем-то, ничтожны или же дело оборачивалось, как в случае евреев и немцев: в общенациональном балансе истребление евреев обернулось для Германии материально-культурным ущербом, что было доказано немецкими авторами после войны на обширном фактическом материале. Таким образом, в ходе истории произошло обратное обращение исходной ситуации: что военная, что материальная выгоды геноцида из реальных стали мнимыми и это побудило искать совершенно новые оправдания массовых истреблений. Если бы эти оправдания приобрели силу обязательных, совершаемых в соответствии с ними массовых казней не нужно было бы скрывать. А поскольку их повсеместно скрывали, эти оправдания, видимо, не казались убедительными даже самим энтузиастам геноцида. Асперникус считает этот вывод бескураживающим, но – в свете фактов – неопровержимым. Как показывают сохранившиеся документы, гитлеризм соблюдал в геноциде следующие градации: тем из побежденных народов, которые подлежали прореживанию, как славяне, о некоторых казнях сообщали открыто, зато группам, которые уничтожались полностью, как евреи и цыгане, о таких казнях не сообщали ничего. Чем более абсолютным было уничтожение, тем большая секретность его окружала.

Асперникус исследует совокупность этих явлений методом последовательных приближений, которые ведут ко все более глубоким причинам геноцида. Сначала он показывает на карте Европы вектор, идущий с запада на восток, от полной секретности к полной открытости, или, в моральных категориях, от стыдливого убийства до бесстыдного уничтожения. То, что в Западной Европе немцы делали локально, тайно, в отдельных случаях и постепенно, на востоке они совершали в растущих масштабах, яростно, все более бесстыдно и откровенно, причем, по мере удаления на восток геноцид все более становился нормой для немедленного исполнения: евреев часто убивали прямо в их домах, не тратя времени на изоляцию в гетто или перевозку в лагеря уничтожения. Автор считает, что эти различия свидетельствуют о лицемерии убийц, которые не решались делать на западе то, что делали на востоке, где уже не заботились об условностях.

План «окончательного решения еврейского вопроса» с самого начала таил в себе возможность различных вариантов с разной степенью жестокости, хотя и с одинаковым концом. Асперникус справедливо замечает, что был осуществим и бескровный вариант, в то же время более выгодный для Третьего рейха в военном и

„Я – НЕ АНТИСЕМИТ“, – говорит профессор Нольте

....История немецкого нацизма написана державами-победительницами, и это подобно тому, как если бы ООП, победив Израиль, диктовала, как следует понимать еврейскую историю... Азиатское преступление советского ГУЛАГа предшествовало уничтожению евреев в Освенциме, и эти явления – взаимосвязаны... Левый немецко-еврейский интеллектуал Курт Тухольский еще в 20-х годах требовал уничтожить «правых» в газовых камерах – намного раньше, чем нацисты начали уничтожать там евреев... В 1939 году Хаим Вейцман объявил «еврейскую войну» Германии, и у Гитлера были основания видеть в немецких евреях подлинных военнопленных... Пришло время подвести черту под нацистским прошлым...

Тезис, тезис, еще один тезис... Ни один из них не сформулирован столь дословно, как это сделано выше. Но в том или ином скрытом виде, порой – с оговорками, порой – между строк, все эти тезисы то и дело всплывают в статьях, опубликованных известным немецким историком, западно-берлинским профессором Нольте на протяжении последних полутора лет. И, пожалуй, самым шокирующим во всем этом является, прежде всего, необычная концентрация ревизирующих историю утверждений. Трудно отделаться от впечатления, что перед нами – последовательная попытка «научно» легитимировать то, что доселе было характерно лишь для идеологии периферийных, крайне правых групп. Это тем более удивительно, что тот же самый Нольте в своей первой – и знаменитой – книге о фашизме, «Нацизм и его эпоха», писал: „Нацисты совершили злодеяния, равным которым нет в мировой истории. С ними не сравнится даже террор Сталина против своей партии и своего народа...“

Сегодня профессор Нольте говорит, что он находится в процессе критического пересмотра своих прежних взглядов. „Я должен проверить, справедливы ли мои прежние утверждения. Так, в свое время я писал, что вторжение Гитлера в Россию было началом самой большой в современной истории войны на уничтожение. Сегодня я вижу, что такое определение недостаточно. В следующей книге я покажу, что хотя эта война несомненно была войной на

уничтожение, она одновременно имела в себе также нечто и от превентивной войны”.

Своими последними статьями профессор Нольте возродил острую – и горькую – дискуссию вокруг вопроса, который казался давно решенным в западнонемецкой историографии – об оценке и трактовке Третьего рейха. Больше, чем кто-либо другой, он способствовал возобновлению давнего спора, выдвинув – по меньшей мере, сомнительные – тезисы о евреях как «военнопленных», о связи между ГУЛАГом и Освенцимом, о написанной под диктовку победителей немецкой истории.

Нольте хорошо известен в Израиле – прежде всего своими основополагающими книгами о Гитлере и нацизме, которые стали учебными пособиями не только в ФРГ, но и здесь. В 1981 году он провел полгода в Иерусалиме в качестве приглашенного профессора Еврейского университета. Неожиданные ревизионистские тезисы были впервые опубликованы лишь в начале минувшего года и сразу же стали предметом ожесточенной дискуссии – и не только в академических кругах. Они потрясли многих исследователей, особенно в Израиле. Профессор Шауль Фридлендер из Иерусалима пишет, что, в сущности, Нольте теперь утверждает (хотя и в скрытом виде), будто это угроза «еврейской войны» побудила Гитлера пойти на уничтожение евреев. Нольте отвечает на слова Фридлендера оскорбленным: „Это клевета!“ Спор продолжается...

Самым неожиданным во всей этой истории является то, что Нольте состоит ответственным редактором архивов Теодора Герцля, издание которых предпринимается немецким исследовательским обществом, специально созданным для этой цели. Под редакцией Нольте уже вышли три тома документов и писем из этого архива и подготовлены четыре следующих. Сейчас другие редакторы, два израильянина и один немец, отказываются сотрудничать с Нольте. Они утверждают, что человек, который хочет ревизовать в таком духе историю Третьего рейха, не может быть ответственным за издание трудов провозвестника еврейского государства. Издатели не могут, да и не хотят уволить Нольте и в то же время понимают, что нет смысла пытаться убедить других исследователей сотрудничать с ним. Может быть, Нольте уйдет в отставку добровольно? „Если я так поступаю, – говорит он, – то тем самым признаю, что возбуждение, вызванное моими тезисами в Израиле, было оправданным. А с этим я не могу согласиться...“

Недавно издатели официально объявили, что публикация архивов Герцля временно прекращается. Разумеется, это может лишь ожесточить профессора Нольте. Чем шире разворачивается дискуссия

вокруг его тезисов, тем более он утверждается в правоте своей позиции. Я ощутил это, когда интервьюировал Нольте в его доме в Западном Берлине. Его ответы показали мне, что Нольте не склонен – во всяком случае, пока – ни к каким уступкам.

– Остаетесь ли вы при своем мнении, что критика в ваш адрес является необоснованной и несправедливой? Обидела ли вас критика со стороны израильских ученых?

– Я не могу понять, почему в Израиле так остро реагировали на то, что я писал в последнее время. Ведь я в сущности, всего лишь заявил, что сейчас, спустя сорок лет после окончания войны, наступило время для определенного пересмотра всей нашей трактовки Третьего рейха. И что такой пересмотр с необходимостью предполагает использование всех доступных фактов и интерпретаций, включая и те, которые доселе циркулировали только в литературе так называемого «крайне правого толка». Разумеется, использование каждого факта или толкования требует тщательной и глубокой проверки. Увы, мысль о том, что за фактами можно обратиться даже и к источникам «правого толка», не для всех, видимо, является приемлемой. Так что несогласие с этим моим тезисом представляется мне вполне понятным и легитимным.

Я, однако, хотел бы подчеркнуть, что этот тезис исходит из общего этоса научных исследований. Научность исторического исследования по самому определению, предполагает, что картина минувшей действительности будет представлена как можно более полно и всесторонне, а это значит – с учетом даже таких фактов, использование которых (или источники которых) могут «бросить тень» на исследователя. На мой взгляд, дальнейшее развитие исследований истории Третьего рейха сегодня требует как раз такого подхода. И поэтому мне кажется, что ажиотаж, поднятый вокруг моего тезиса в Израиле, не имел глубоких оснований.

Чтобы дать представление о сути нынешних споров, приведу один пример. Только обратившись к литературе «крайне правого толка», я сумел обнаружить такой любопытный факт: оказывается, в немецкой еврейской газете за 1961 год было опубликовано высказывание судьи на процессе Эйхмана в Иерусалиме, где сказано, что Хаим Вейцман в 1939 году провозгласил приверженность мирового еврейства «британскому делу» и этим как бы «объявил войну» Гитлеру и Германии. При желании это заявление Вейцмана действительно можно трактовать как объявление евреями войны Третьему рейху. Но я как раз процитировал это заявление без всяких комментариев, ни слова не добавив к тому, что сказал судья в Иерусалиме. Так что все, в чем